

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА: ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТЬ НАУЧНОГО И НЕНАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Л.А. Богодельникова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
30 октября 2020 г.

Дата принятия к печати
18 декабря 2020 г.

Дата онлайн-размещения
30 декабря 2020 г.

Ключевые слова

Проблема демаркации;
человекоразмерность; язык,
самопознание; ценностное
основание знания; этос науки

Аннотация

В статье ставится вопрос о человекоразмерности различных форм познания: насколько образы реальности, создаваемые разными формами познания, «соответствуют» человеку, помогают ему «встроиться» в мир и самоопределиваться в нем. Человекоразмерность различных форм познания становится одним из условий для построения целостного образа реальности, который возможно было бы противопоставить принципиально «бесчеловечной» картине мира, которая появляется в случае, если познание ориентировано на субъект-объектную схему, где человек-субъект и мир объектов противостоят друг другу, и за аксиому принимается некая «ущербность» ненаучных форм познания.

Автор полагает, что человекоразмерность — это основание всех когнитивных процессов, и такого рода философская рефлексия позволяет посмотреть на процесс познания с позиции целостности. По мнению автора, целостность несопадающих и зачастую противостоящих друг другу форм познания обеспечивается благодаря языку, в котором оформляется любой опыт человеческой деятельности.

TOWARDS A HOLISTIC WORLDVIEW: HUMAN-SIZEDNESS OF SCIENTIFIC AND NON-SCIENTIFIC COGNITION

Lyubov A. Bogodelnikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
October 30, 2020

Accepted
December 18, 2020

Available online
December 30, 2020

Keywords

Demarcation problem; human-sizedness; language; self-cognition; axiological foundation of knowledge; ethos of science

Abstract

The article addresses the issue of the human-sizedness of various forms of cognition: the extent to which the models of reality created by various forms of cognition, «comply with» a human being, help him «incorporate into» the world and identify himself. It is the human-sizedness of various forms of cognition which becomes one of the prerequisites for building a holistic view of the reality, which, as such, could only be opposed to an «inhuman» view of the world when a cognition (mostly scientific) is focused on a subject-object scheme where a man as the subject opposes the world of objects and non-scientific forms of cognition are seen as «inferior».

The author believes that human-sizedness is a foundation of all cognitive processes and this philosophical reflection as such lets us look at the process of cognition from the perspective of wholeness. It is the author's opinion that the wholeness of mismatching and often opposing forms of cognition is ensured by means of the language in which any human experience is shaped.

Постановка проблемы

Одной из важнейших функций философии является ее способность осуществлять рефлекссию, непрерывное вопрошание в отношении мира во всех его проявлениях и

в отношении самой себя. Специфика философской рефлексии состоит в том, что она осуществляется с позиции «ищу человека» не только в контексте поиска места и предназначения человека в мире, но и прежде всего

с позиции, заявленной еще Протагором: «о человеке как мере всех существующих и несуществующих вещей». Человек «всматривается» в мир в попытке самоопределения, отыскания собственного места в нем. И все же первая задача человека — задача приспособления к миру, которая реализуется в акте познания мира в различных, зачастую противопоставленных друг другу формах, что, впрочем, не мешает им всем помогать человеку в мире «быть». Уилларду Куайну приписывают идею о том, что наука — это один из путей приспособления организма к окружающей среде, аналогичное утверждение, на наш взгляд, будет справедливо и в отношении других форм познания: философии, религии, искусства и пр.

Но и в акте познания философию прежде всего интересует человек, его совершающий: не искусство, мифология, религия, наука сами по себе, а человек, «осуществляющий познавательную деятельность в разных формах» [1, с. 33]. В этом философия выполняет еще одну важную функцию: видеть мир как целое. Это не означает, что философия, осмысляя образы мира, конструируемые различными формами познания, стремится построить единую картину мира, в которой будет дано абсолютно исчерпывающее знание о нем, отнюдь нет; не ставится и задача «стирания границ» между научным и ненаучным познанием. Скорее философское вопрошание выражается в попытке отыскания той позиции, с которой могло бы быть осмыслено все знание, накопленное человеком о мире и самом себе: насколько образы реальности, картины мира, предлагаемые разными формами познания, соответствуют человеку, помогают ему «быть». Фактически это вопрос о человекообразности различных форм познания.

Аристотель, рассуждая о различии сходного, высказал парадоксальную мысль о том, что «...вещи различаются между собою в том, в чем они походят друг на друга, в том, что у них есть общего» [2, с. 55]. Нам же представляется необходимым исследовать, в чем сходятся различные формы духовного освоения мира и как, при всем видимом несовпадении, они посредством создания целостной картины мира могут помочь человеку встроиться в реальность, помочь понять самого себя. Философская рефлексия такого рода необходима, так как она позволяет обнаружить целостность процесса развития познания во всем многообразии его проявления.

Все познавательные формы выполняют в отношении человека своего рода инстру-

ментальную функцию: с одной стороны, при помощи открытых ими знаний помогают достигать поставленных обществом целей, с другой — эти же новые знания о мире изменяют самих людей, мотивы их целеполагания и, как следствие, сами цели и задачи, которые люди ставят перед собой. Понимая всю сложность стоящей перед нами задачи, в данной статье мы постараемся хотя бы наметить подступы к ее решению.

Человекообразность познания

В «Дегуманизации искусства» Х. Ортега-и-Гассет описывает одну сцену: «Умирает знаменитый человек. У его постели жена. Врач считает пульс умирающего. В глубине комнаты два других человека: газетчик, которого к этому смертному ложу привел долг службы, и художник, который оказался здесь случайно. Супруга, врач, газетчик и художник присутствуют при одном и том же событии. Однако это одно и то же событие — агония человека — для каждого из этих людей видится со своей точки зрения. И эти точки зрения столь различны, что едва ли у них есть что-нибудь общее. Разница между тем, как воспринимает происходящее убитая горем женщина и художник, бесстрастно наблюдающий эту сцену, такова, что они, можно сказать, присутствуют при двух совершенно различных событиях» [3, с. 228]. Одна и та же реальность рассматривается с точки зрения каждого из персонажей, как бы распадаясь на «множество отличных друг от друга реальностей», что неизбежно приводит к вопросу о том, а какая же из них является подлинной. Ортега-и-Гассет полагает, что какую бы из предложенных реальностей мы ни признали за истинную, наше суждение в любом случае будет произвольным, так как будет опираться на наш личный вкус. По сути, все реальности оказываются равноценными с «соответствующей точки зрения». Все, что возможно сделать в этой ситуации, это попытаться классифицировать по определенному критерию позиции данных четырех персонажей, что, может быть, и не откроет абсолютной истины, но поможет упорядочить действительность. И в качестве такого критерия Ортега-и-Гассет предлагает «рассмотреть ту духовную дистанцию, которая отделяет каждого из присутствующих от единого для всех события, то есть агонии больного» [там же, с. 229]. Ближе всех, естественно, находится жена умирающего, она максимально, всеми чувствами, включена в происходящее. Врач по степени вовлеченности в происходящее уже находится дальше,

он должен действовать прежде всего как профессионал. Профессионалами являются и два других персонажа — репортер и художник, но все же дистанции, на которые каждый из них удален от больного, неодинаковы. Репортер значительно отстранен от ситуации, «он ограничивается наблюдением» на грани утраты контакта с ней, в то время как художник, сохраняя абсолютную безучастность, созерцает сцену, эмоционально не вовлекаясь в нее.

Данный «пространный», по словам философа, анализ он использует, чтобы показать, что «среди разнообразных аспектов реальности, соответствующих различным точкам зрения, существует один, из которого проистекают все остальные и который во всех остальных предполагается. Это аспект «живой» реальности. Если бы не было никого, кто по-настоящему, обезумев от горя, переживал агонию умирающего, если, на худой конец, ею бы не был озабочен даже врач, читатели не восприняли бы патетических жестов газетчика, описавшего событие, или картины, на которой художник изобразил лежащего в постели человека, окруженного скорбными фигурами, — событие это осталось бы им непонятно» [3, с. 230].

Представляется возможным использовать эту метафору для того, чтобы напомнить об «аспекте живой реальности», вокруг которого и благодаря которому выстраиваются все, на первый взгляд, такие несходные формы познания. Перефразируя Х. Ортега-и-Гассета, можно попробовать разместить их на шкале, где крайние позиции будут принадлежать миру и человеку. Это позволит классифицировать их по степени удаленности от человека, чтобы «с определенной ясностью установить шкалу духовных дистанций» между человеком и различными способами духовного освоения мира. В соответствии с этой шкалой степень близости к человеку той или иной формы познания будет соответствовать степени вовлеченности наших чувств и состояний, которые данная форма будет исследовать; степень же отдаленности от него, напротив, указывает на степень независимости познания от познаваемого реального, уводит от субъективности к объективируемой реальности. И тогда становится абсолютно очевидным, что наука оказывается дистанционно «дальше» от человека, чем религия, философия, искусство или мифология. При этом, располагая все формы познания «горизонтально», поместив их на единую шкалу, становится возможным уйти от иерархичного представления, от возвышения одних форм познания над другими.

Это условное «ближе» или «дальше» от человека может быть определено, на наш взгляд, двумя факторами: человекообразностью той или иной формы познания и вектором направленности познавательных усилий (от самопознания к познанию мира).

Историческая взаимосвязь различных форм познания:

от познания мира к самопознанию

Все формы духовного освоения мира историчны. Изначально они были синкретичны, и лишь с развитием как познавательной деятельности, так и социальной жизни они дифференцировались. Не существует неизменных, абсолютных науки, философии, религии и искусства, все они принадлежат определенному этапу развития культуры и наследуют особенности взаимодействий, сложившихся в конкретной социальной общности, и типа ее ментальности; непонимание этого ведет к неполноте исследования, в результате чего наука становится своеобразным «лидером» познавательной деятельности, подменяя собой все многообразие остальных форм. Формы знания многообразны: одни вычленились из первобытного синкретизма, другие появлялись позже, но каждая, пришедшая позднее, не отменяла предыдущих, а лишь задавала новый вектор дальнейшему развитию познания.

Признание лидирующего положения науки было справедливо для XVII в., когда вера в лозунг «Знание — сила» была непоколебимой, разумность (рациональность) признавалась ведущей и высшей характеристикой человека, а практическая ориентация науки как высшей формы проявления человеческой разумности, приводившая к значимым, осязаемым результатам в практической деятельности, оценивалась только положительно. В это время философия и религия постепенно вытеснялись в сферу альтернативных мировоззрений, а познавательные возможности искусства, аутентичные ему (искусство тоже уподоблялось науке, и требовалось, чтобы оно было похоже на науку, подчинялось тем же правилам), еще не были четко обозначены. Наука, развиваясь и все более обособляясь от других форм познания, до определенного момента сохраняла тесную связь и с философией, и с религией. Достаточно вспомнить тот факт, что последняя на протяжении многих столетий не только занималась разрешением духовных проблем человека, связанных с самопознанием, но и, построив картину мира, заложила основы последующего появления и дала направление развитию

классической науки Нового времени. Поиск истины в классической науке уподобляется поиску Бога в религии: «Установка классической научной рациональности на поиск абсолютной истины формально и генетически вырастает из религиозного мировоззрения... В случае религии гарантом истинности знания о реальности выступает Бог, в случае науки — Разум» [4, с. 21–22].

Если наука появилась и продолжает существовать на арене мировой культуры прежде всего как исследование окружающего мира, то религия, философия и искусство выступают сегодня больше в качестве своеобразных форм самопознания. Так было далеко не всегда: на начальных этапах собственного развития философия была обращена скорее к миру, чем к человеку, и прежде чем начать отвечать на «мучающие» человека вопросы, обращает свой познавательный интерес на окружающий мир, создавая фундамент для новых форм рационального познания. Искусство в своих наиболее ранних и простых формах также стремится к отражению окружающего мира в образах, абсолютно понятных человеку (это проявлено, например, в синкретизме первобытного искусства). Лишь на более поздних этапах искусство переключается на весь спектр эмоционально-чувственных переживаний индивида, фокусируется на «озабоченности» человека присутствием себя в мире и, как следствие, всем объемом возникающих в связи с этим проблем и духовных поисков. Появляется и сама духовная жизнь в нашем современном понимании.

Понимание историчности научного и ненаучного познания позволяет увидеть и понять, как менялся вектор человеческого познавательного внимания, смещаясь от мира к самому человеку, обращаясь от познания объективности, которое совершается для решения вполне себе практических задач и из простого любопытства, к самопознанию, выполняя задачи вполне идеологические и мировоззренческие, а именно задачу самоопределения человека в мире. Самопознание становится особым видом творчества, где человек творит не нечто чуждое себе или нечто вспомогательное для своего существования, он творит свою собственную сущность. Иными словами, происходит определенная трансформация человека, которая невозможна без «точек опоры», символов религии, метафизических категорий философии, а также образов, рождаемых в процессе создания и восприятия произведений искусства.

Стоит отметить, что до сих пор сохраняется определенная тенденция оценивать все

знания о мире с позиции их практической применимости и полезности, соответственно, чем выше способность познавательной формы «добывать» полезное знание о мире, тем большую практическую ценность она представляет для культуры и тем выше ее место в «иерархии» познавательных форм. Но даже при «горизонтальном» расположении различных форм познания не снимается ряд вопросов, связанных с проблемой демаркации научного и ненаучного знания. Одну и ту же реальность (в нашем случае мы говорим об окружающем мире) человек может осваивать разными способами. Результатом этой разнообразной деятельности является в том числе и создание определенной картины мира. Фактически мы получаем не одну, а «множество отличных друг от друга реальностей», что неизбежно приводит к вопросу о том, а какая же из них является подлинной — научная или ненаучная. Ведь нельзя оспорить тот факт, что ненаучные формы познания, не менее науки опираясь на собственные законы, создают структурированные образы мира, раздвигающие границы «естественной» картины мира — картины опыта и наблюдения, что, собственно, и позволяет нам увидеть взаимосвязь различных форм духовного освоения реальности.

Ценностное основание знания. Человекоразмерность как критерий демаркации научного и ненаучного познания

Существует множество подходов к типологизации знания, которые ставят своей задачей прежде всего разрешить проблему демаркации научного и ненаучного; анализ рациональности и ее критериев относится, пожалуй, к наиболее разработанным. Изучая критерии рациональности, которые на разных этапах развития познания рассматривались в качестве ведущих в науке и философии, современные исследователи приходят к выводу, что нет ни одного критерия рациональности, который бы не мог быть оспорен. Все зависит от методологической системы, установок, договоренностей различных профессиональных сообществ и в итоге отталкивается от философских, мировоззренческих установок той или иной школы, системы, методологии, направления. Критерии рациональности, образующие ту или иную модель, зависят от философских положений, явно или неявно принимаемых учеными. Иными словами, каковы философские взгляды ученого (его философское мировоззрение), таковы и критерии рациональности, которые он

согласен принять (заключив при этом соответствующие конвенции с другими учеными) и которым он согласен следовать, считая их обязательными [5, с. 143].

В основании рациональности в конечном счете оказывается система ценностных установок и ориентаций ученого или всего научного сообщества (этнос науки), которые нельзя мыслить в отрыве от ценностей, признаваемых данной культурой на данном этапе ее развития. Ценности, понимаемые как отношения отдельных людей и социальных групп к объектам и процессам, возникающие из конкретных человеческих взаимодействий разного рода, становятся ядром и внутренней основой жизни человека и общества. В смысловое поле любой ценности входят как минимум значимое, должное и желаемое, проявляющиеся как норма, цель и идеал, которые и взаимодействуют с научной рациональностью на разных этапах и уровнях ее развития [6, с. 25]. Включенность ценностных оснований в различные формы познания позволяет нам рассмотреть научное и ненаучное познание с позиции человеко-размерности. Это, в свою очередь, отнюдь не нивелирует различия между научным и ненаучным, а дает возможность увидеть, что, будучи сущностно связанными, разнящиеся по форме своего проявления ненаучное и научное познание способны не противостоять и взаимоисключать, а дополнять друг друга.

Человеко-размерность — это установка, в рамках которой ценности различных познавательных форм соотносятся с ценностями общесоциального характера, а сами аксиологические факторы включаются в познание. Это не человеко-размерность в буквальном понимании слова, когда мир должен измеряться «в человеческих параметрах». В нашем представлении понятие человеко-размерности ближе к идее «философской антропологии в качестве последнего основания философского знания, да и вообще всех когнитивных феноменов» [7, с. 187].

В свете идеи человеко-размерности на познавательную деятельность можно посмотреть под иным углом: не только и не столько как на профессиональную, но и прежде всего как на социокультурную, детерминированную в равной степени и общенаучными причинами, и идеалами, и мировоззренческими установками — культурой в широком смысле слова.

Понимание историчности познавательных форм, о которой говорилось выше, помогает увидеть, каким образом человеко-размерность проявляется в научном и ненаучном

познании. Принципиальное различие, на наш взгляд, состоит в том, что ненаучные формы познания, несмотря на свой историзм, всегда были в первую очередь формами познания, выражавшими и формировавшими ценностное отношение к миру. Картины реальности, создаваемые религией или искусством, — это, скорее, некий «побочный эффект», это образы мира, всегда «вбирающие» в себя человека со всем его набором смыслов и идеалов. Ненаучные формы никогда не пытались представить реальность «саму по себе», «объективно», без человека, а значит, общесоциальные ценности в ненаучные формы познания всегда были встроены органично, в то время как в науку ценностные основания включаются лишь опосредованно, через систему ценностей ученого и научного сообщества. Только на современном постнеклассическом этапе развития науки, когда ясно обозначились проблемы кризиса науки и научной рациональности, особое звучание приобрели темы коллективной и индивидуальной ответственности ученого; появилась необходимость оценить масштабы и степень влияния науки в целом на общество и культуру, и вновь возник вопрос о новом статусе научного по отношению к ненаучному. «Демаркационное размежевание с ненаучным сменяется толерантным отношением к нему. Происходит обогащение сферы жизненного мира профессиональными знаниями, а философия науки пополняется нетрадиционными формами рефлексии» [1, с. 50].

Это стало возможным благодаря становлению трансдисциплинарности, характеризующей этос постнеклассической науки и позволяющей выстроить принципиально новые связи и отношения между наукой и культурой общества. Нельзя не согласиться с утверждением, что «эта связь так же необходима современной науке, как и современной культуре. Она влияет на внутреннее устройство науки и на ее отношения с обществом. Она влияет и на культуру, на формирование ее ценностных универсалий». Таким образом, «этос постнеклассической науки восстанавливает объективное содержание науки как дела ума, души и рук человеческих» [8].

В настоящее время можно наблюдать своеобразную гуманизацию науки, проявленную в большей степени в ее ориентированности на реальные проблемы жизненного мира. Эта тенденция находит выражение не только в постановке проблемы ответственности ученого, но и в готовности науки к диалогу с ненаучными формами познания. Возможность такого диалога уже сама по

себе становится началом для «осмысления и теоретического построения целостного взгляда на мир» [8, с. 83]. Поэтому представляется особенно важным обратить внимание на дальнейшее развитие методологии социогуманитарного познания, которая исходила бы из достаточно простой по звучанию, но сложной для реального воплощения идеи о том, что все знание взаимосвязано.

Язык как начало и границы познания

Изначально появляясь на арене истории как часть живого мира, человек очень скоро переходит в «сверхприродное», противопоставленное природе, хоть и тесно связанное с ней, состояние. Он является единственным живым существом, противопоставляющим себя миру, и в акте познания прежде всего. Для человека единственный способ «быть» — это осуществлять непрерывное познание мира и самого себя, в результате чего мы имеем возможность наблюдать бесконечный процесс со-развития мира и человека. Человек в познании выходит за пределы наличного бытия, он довоссоздает и достраивает себя и мир различными способами. Представители философской антропологии начала XX в. М. Шелер, М. Бубер и А. Гелен в своем подходе к рассмотрению человека отталкивались от идеи его биологической беспомощности, полагая, что он отнюдь не воплотил в себе совершенство природного смысла и «плохо оснащен инстинктами». Человек есть «недостаточное» существо, и только деятельное изменение окружающего мира в мир, пригодный для жизни, делает возможным его существование. Отсюда возникает идея компенсации этой «недостаточности» через создание культуры, которая при таком понимании относится к физическим условиям существования человека, а также становится процессом порождения человека в историческом развитии. Важнейшую роль в этом процессе, несомненно, играет язык, без которого собственно человеческое познание невозможно представить.

Так, М. Шелер, полагая, что базисной формой любого знания является «относительно естественное восприятие», которое возникает как результат практической материальной деятельности людей и которое опирается на здравый смысл, предлагал классифицировать основные типы знания, упорядочив их «по степени искусственности»: от мифа и сказаний, знания, содержащегося в естественном народном языке, к религии и основным формам мистического знания, к философско-метафизическому знанию и,

наконец, к позитивному знанию математики, естественных наук и наук о духе, и к технологическому знанию [9, с. 31]. Все эти виды знания оказываются тесно связаны с социумом и эволюционируют вместе с ним.

Фактически Шелер говорит об эволюции языка от его естественных форм к искусственным: чем развитее общество, тем больше у него появляется различных языковых реальностей. Это связано с тем, что язык, будучи относительно устойчивой системой, сопровождает наш социальный опыт, и, как следствие, язык видоизменяется не только исторически, но и в зависимости от вида человеческой деятельности. Существует множество языков (имеются в виду не национальные или культурные различия), создающих множество реальностей и образов мира, так как каждый вид деятельности порождает свой язык; и познание — не исключение. Всякий род знания создает собственный уникальный язык и стиль выражения мыслей; как следствие, возникают различные градации языка по степени искусственности (см. выше классификацию всех форм познания по степени искусственности, предложенную М. Шелером).

Убеждение теоретика в том, что он исследует объективную реальность, противостоит тому обстоятельству, что эта реальность создается им в форме возможного мира, подлинность которого не может быть доказана, а часто и не нуждается в доказательстве [10, с. 20]. И эта реальность, создаваемая в форме возможного мира, может быть создана только в языке и с его помощью¹. В данном случае речь идет, конечно, о науке, но это справедливо и для других форм познания, в которых система понятий и категорий фактически становится методом исследования. Соответственно, изучение языковых структур способно приоткрыть дверь в ненаблюдаемый мир мыслительных процессов и сознания, дав ключ к ответу на один из главных вопросов философии и многих гуманитарных наук о том, что есть познание.

¹ «Конечно, можно поспорить, что «независимый» (нематериальный) мир — это мир, независимый от нематериального сознания наблюдателя, описывающего мир в языке. Что, собственно, и является основным принципом научного реализма. При этом, помимо метафизического измерения, у научного реализма есть еще два (Чакравартти, 2017): семантическая ориентация на буквальное толкование научных утверждений о мире; и эпистемологическая приверженность идее о том, что наше знание о мире сформировано научными утверждениями, описывающими независимую от сознания реальность. Оба эти измерения неизбежно вводят толкователя/наблюдателя с его нематериальным сознанием, который, в свою очередь, делает научные заявления на своем родном языке» [11, р. 160].

Этот путь — путь исследования языковых структур — кажется уже исхоженным, если вспомнить всех выдающихся представителей логического позитивизма, аналитической философии и Венского кружка, которые, «разрушая метафизику логикой языка», пытались «очистить», логически реконструировать язык науки, что позволило бы им определить точные ее границы [5, с. 128]. Известно, что эта программа даже в отношении научного познания оказалась невыполнимой. Поставленная задача разделения понятий на «метафизические слова без значения» и те, для которых, по мнению Р. Карнапа, работают эмпирические условия истинности, так и не была достигнута, что, в свою очередь, смогло уберечь язык от опасности упрощения, намеренного подчинения его только практическим задачам человеческой деятельности, а значит, и от упрощения и обеднения реальности человеческой жизни.

Л. Витгенштейн на ранних этапах своего философского творчества в знаменитом «Логико-философском трактате» высказывал мысли, сходные с мыслями Карнапа: «Все то, что вообще может быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо. Все то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано. О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [12, с. 127]. А на более поздних этапах, перейдя от анализа языка науки к анализу естественного языка, Витгенштейн приходит к выводу, что он построен по другим законам, нежели научный, и несводим к нему. Соответственно, было бы неправильным выстраивать вслед за иерархией форм познания иерархию языков, соответствующих этим формам, помещая язык естественных и точных наук на ее вершину. Так называемые метафизические слова без значения, которыми оперирует не только философия, но и искусство, и миф, и в какой-то степени религия выполняют важную функцию освоения мира человеком и в конечном счете создания наиболее полной, «объемной» картины мира. Выдающийся позитивист Б. Рассел называл в качестве одной из ведущих функций философии ее способность «поддерживать размышления о предметах, которые еще не попали в сферу науки, доводить их до уровня гипотез и передавать науке» [13, с. 85], что, в свою очередь, должно привести к увеличению числа гипотез и конструкций мира, создаваемых наукой. Эту задачу невозможно осуществить, если исключить из философии «метафизические слова без значения», одной из неочевидных функций которых является

их способность показывать существующие границы, а также перспективы развития человеческого познания.

Необходимость изучения языковых структур, вырастающая из идеи мира как множества языковых картин, создаваемых многочисленными формами познания, подводит нас к пониманию того, что именно язык становится тем, что обеспечивает целостность несовпадающих, но пересекающихся разнообразных форм познания. «Всякое знание как содержание той или иной науки есть продукт интеллектуальной деятельности познающего мир человека. Этот специфический продукт доступен членам человеческого сообщества главным образом в языке и через язык, поэтому любая специальная область знаний (наука) несет на себе родимое пятно языка и не может существовать вне языка» [14, с. 42].

Опыт любой человеческой деятельности, не только научной, оформляется в языке. В свою очередь, опыт в языковых формах формирует систему ценностей, которая будет реализована в дальнейшем в разных формах деятельности, в том числе и познавательной; таким образом, можно говорить о возникновении своего рода «кругообразной каузальной зависимости» (continuous reciprocal causation) [15, p. 163], что связано с особенностями языка, способного одновременно выступать в качестве своеобразного инструмента познания («язык как проявление когнитивных способностей человека» [14, с. 49]) и в то же время быть средой («лингво-социокультурной средой» [там же, с. 50]), в которой человек осуществляет все виды деятельности, в том числе и познавательную.

В связи со сказанным представляется уместным поставить вопрос о том, в какой степени новые знания, создаваемые различными познавательными формами, оказываются включены в культуру, становятся достоянием широкого круга людей, чтобы, в свою очередь, как уже отмечалось выше, менять самих людей: их цели, мотивы деятельности и ценностные установки. Фактически это еще один вариант постановки проблемы человекообразности форм познания. Но это уже тема для нового исследования.

Заключение

Вопрос о возможности построения целостной картины мира — это всегда вопрос о человеке. Пока мы смотрим на мир через противопоставление объективного и субъективного, мира и человека, мы лишь увеличиваем дистанцию между человеком и миром, утрачивая целостный взгляд на реальность.

Мы не просто должны «смотреть на мир глазами человека», мы должны понять, что у нас нет вообще никакой возможности смотреть на мир как-то иначе.

Явное внешнее несовпадение познавательных форм могло бы привести к созданию целостного образа действительности только при условии, что будет найдено некое общее основание. И таким основанием, главной те-

мой, «аспектом живой реальности» является человек. Важность осуществления философской рефлексии, о которой мы заявляли в начале данной статьи, связана с необходимостью проведения постоянной ревизии всех целей и задач, которые ставит перед собой человек и общество; без этого, если перефразировать Канта, «все достижения людей утрачивают смысл».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киященко Л.П. Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) / Л.П. Киященко // *Философия науки*. — 2005. — Т. 11, № 1. — С. 29–53.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Аристотель ; под ред. З.Н. Микеладзе. — Москва : Мысль, 1978. — 685 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // *Эстетика. Философия культуры* / пер. с исп. С.Л. Воробьева. — Москва : Искусство, 1991. — С. 218–260.
4. Пугачева Л.Г. Эволюция разума: встреча человека с «абстрактным» в современной культуре — Джон Сёрль, Грегори Бейтсон и Чограм Тругпа / Л.Г. Пугачева // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. — 2017. — № 3 (77). — С. 19–29.
5. Порус В.Н. Рациональность философствования и перспективы культуры / В.Н. Порус // *Философия науки*. — 2004. — Т. 10, № 1. — С. 128–150.
6. Выжлецов Г.П. Научная рациональность в эпоху аксиологического релятивизма / Г.П. Выжлецов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17, Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. — 2015. — № 4. — С. 21–26.
7. Огурцов А.П. Эквивалентность и человекоразмерность: опыт ретроспективного анализа / А.П. Огурцов // *Политическая концептология*. — 2012. — № 2. — С. 181–188.
8. Киященко Л.П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности / Л.П. Киященко // *Вопросы философии*. — 2015. — № 11. — С. 76–86.
9. Филатов В.П. Феноменология знания и взаимоотношения науки и теологии / В.П. Филатов // *Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд* / под ред. И.Т. Касавина. — Москва, 2008. — С. 30–40.
10. Касавин И.Т. К демаркации науки и теологии как проблеме генезиса науки / И.Т. Касавин // *Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд* / под ред. И.Т. Касавина. — Москва, 2008. — С. 9–25.
11. Kravchenko A.V. Codes, Interpretation, Meaning: Why Language Matters / A.V. Kravchenko // *Constructivist Foundations*. — 2020. — Vol. 15, iss. 2. — P. 159–163.
12. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. Л.Н. Добросельского. — Москва : АСТ, 2018. — 160 с.
13. Рассел Б. Что такое философия / Б. Рассел ; пер. с англ. Е.Н. Козловой // *Искусство мыслить*. — Москва, 1999. — С. 83–89.
14. Кравченко А.В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки) / А.В. Кравченко // *Мир в языке* / отв ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 2005. — С. 37–52.
15. Clark A. Being There: Putting Mind, World, and Body Back Together / A. Clark. — Cambridge : Second printing, 1997. — 269 p.

REFERENCES

1. Kiyashchenko L.P. Ethos of Postnonclassical Science (on the Issue of the Problem Statement). *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*, 2005, vol. 11, no. 1, pp. 29–53. (In Russian).
2. Aristotle; Mikeladze Z.N. (ed.). *Sochineniya* [Treatises]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. Vol. 2. 685 p.
3. Ortega y Gasset José. *La deshumanización del arte*. Madrid, Revista de Occidente, 1925. 171 p. (Russ. ed.: Ortega y Gasset J. Degumanizatsiya iskusstva. *Estetika. Filosofiya kul'tury*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, pp. 218–260).
4. Pugacheva L.G. Evolution of the Mind: Meeting with Abstract Level of Reality in Modern Culture — John Searle, Gregory Bateson, Chögyam Trungpa. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Moscow State Institute of Culture*, 2017, no. 3 (77), pp. 19–29. (In Russian).
5. Porus V.N. Rationality of Philosophizing and Prospects of Culture. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*, 2004, vol. 10, no. 1, pp. 128–150. (In Russian).
6. Vyzhletsov G.P. Scientific Rationality in the Era of Axiological Relativism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17, Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie = Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 17, Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 2015, no. 4, pp. 21–26. (In Russian).
7. Ogurtsov A.P. Equifinality and Human-Sizedness: Experience of Retrospective Analysis. *Politicheskaya kontseptologiya = The political conceptology*, 2012, no. 2, pp. 181–188. (In Russian).
8. Kiyashchenko L.P. Integrity Formation Concerns. Variations on the Theme of Transdisciplinarity. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2015, no. 11, pp. 76–86. (In Russian).

9. Filatov V.P. Phenomenology of Knowledge and Interrelations between Science and Theology. In Kasavin I.T. (ed.). *Problema demarkatsii nauki i teologii: sovremennyy vzglyad* [The Problem of Demarcation between Science and Theology: a Contemporary View]. Moscow, 2008, pp. 30–40. (In Russian).

10. Kasavin I.T. On Demarcation between Science and Theology as the Issue of the Genesis of Science. *Problema demarkatsii nauki i teologii: sovremennyy vzglyad* [The Problem of Demarcation between Science and Theology: a Contemporary View]. Moscow, 2008, pp. 9–25. (In Russian).

11. Kravchenko A.V. Codes, Interpretation, Meaning: Why Language Matters. *Constructivist Foundations*, 2020, vol. 15, iss. 2, pp. 159–163.

12. Wittgenstein L. Logisch-Philosophische Abhandlung. *Annalen der Naturphilosophie*. Leipzig, Reinhold Berger for Verlag Unesma G.m.b.H., 1921, Bd. 14, S. 185–262. (Russ. ed.: Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat*. Moscow, AST Publ., 2018. 160 p.).

13. Russell B. *The Art of Philosophizing and Other Essays*. New York, Philosophical Library, 1968. 119 p. (Russ. ed.: Russell B. *Chto takoe filosofiya. Iskusstvo myslit'*. Moscow, 1999, pp. 83–89).

14. Kravchenko A.V. Person, Language, Environment (on Substantiation of Holism as a Method of the Humanities). In Pimenov E.A., Pimenova M.V. (eds.). *Mir v yazyke* [The World in a Language]. Landau, Verlag Empirische Pädagogik, 2005, pp. 37–52. (In Russian).

15. Clark A. *Being There: Putting Mind, World, and Body Back Together*. Cambridge, Second printing, 1997. 269 p.

Информация об авторе

Богодельникова Любовь Александровна — кандидат философских наук, доцент, Байкальский институт БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: bogodelnikova@gmail.com.

Author

Lyubov A. Bogodelnikova — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Institute of BRICS Countries, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: bogodelnikova@gmail.com.

Для цитирования

Богодельникова Л.А. Проблема построения целостной картины мира: человекоразмерность научного и ненаучного познания / Л.А. Богодельникова. — DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(4).566-574 // Известия Байкальского государственного университета. — 2020. — Т. 30, № 4. — С. 566–574.

For Citation

Bogodelnikova L.A. Towards a Holistic World-view: Human-Sizedness of Scientific and Non-Scientific Cognition. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2020, vol. 30, no. 4, pp. 566–574. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(4).566-574. (In Russian).